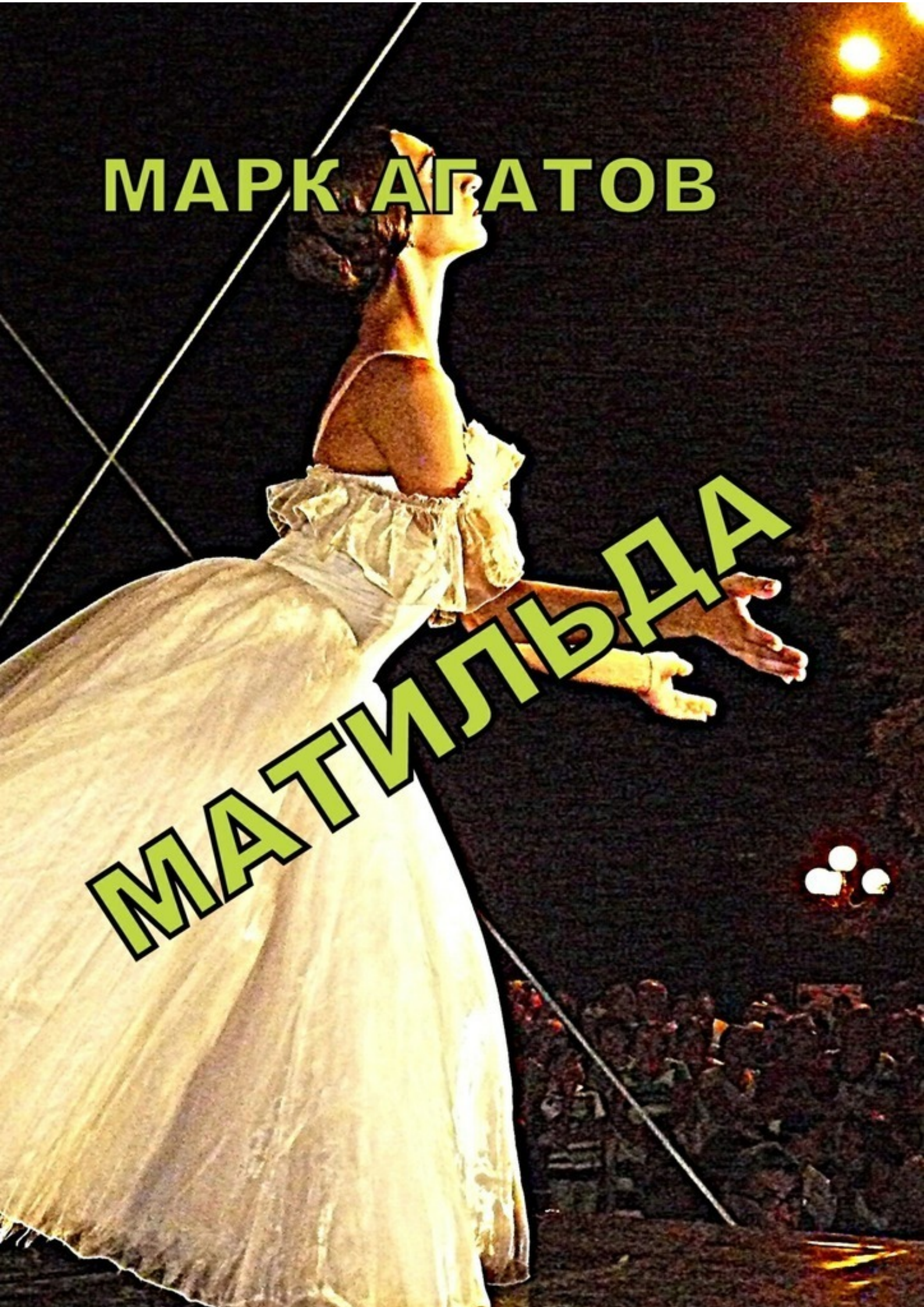

МАРК АГАТОВ

МАТИЛЬДА

Марк Агагов

Матильда

«Издательские решения»

Агатов М.

Матильда / М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855567-1

Секретарь комсомольской организации городского Дома культуры балерина Матильда завлекала в свои любовные сети офицеров и рядовых солдат рассказами о том, что ее прабабка была любовницей царя Николая II, намекая на то, что в ее венах течет царская кровь. Те, кто верил в ее благородное происхождение, в постели называли Матильду царицей, но были и такие, кому было все равно, с кем в молодости грешила ее прабабка. Им нравилась сама балерина, страстная и непредсказуемая двадцатилетняя красавица.

ISBN 978-5-44-855567-1

© Агатов М.

© Издательские решения

Содержание

Жуткая тайна «инфарктной палаты»	6
«Секретная операция КГБ СССР: «Голубой художник»	10
Сбежавший покойник	17
Убить старшину из органов	19
Вольф Мессинг и четыре ампулы строфанта	20
Покушение на Чубайса	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Матильда

Марк Агатов

Корректор Мария Иванова

Иллюстратор Марк Агатов

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2017

© Марк Агатов, иллюстрации, 2017

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2017

© Марк Агатов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-5567-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жуткая тайна «инфарктной палаты»

Плохо, когда из реанимации ты попадаешь в длинный тоннель, ведущий к воротам рая, но еще хуже, если тебя там встретит не богообразный старец, а сержант Советской армии Козлов с карабином Симонова в руках. И не просто встретит, а начнет задавать вопросы о твоём прошлом.

Утром из реанимации его перевели в палату «инфарктников». Он хотел идти по коридору сам, но его усадили в кресло.

– Вам нельзя ходить, – мягко сообщила жгучая брюнетка в белом халате. На вид ей было лет сорок, сорок пять. Он знал, что нельзя. Врач «скорой» написал на кусочке картона «подозрение на инфаркт».

В шестиместной палате две кровати были свободны. Одна стояла у самой двери, другая у окна.

– Из окна дует, – сообщил маленький тощий мужичонка, шмыгая носом. – Меня зовут Вася.

Он выбрал ту, что стояла у двери. Молча лег на кровать и прикрыл глаза. После реанимации он хотел полежать в тишине. Подумать о своей жизни. Потом пришла та же медсестра, на лице ее теперь была маска из белоснежной марли. Она закрывала ее губы и нос.

– Я вас уже где-то видел, – сообщил мужчина.

– Я тоже, ночью в реанимации.

– Мне кажется, что я вас видел раньше, много лет назад, а вот где – не помню.

– Главное, чтобы мы в будущей жизни с вами больше никогда не встречались, – тихо произнесла медсестра и, установив капельницу, вышла из палаты.

Мужчина обреченно смотрел на падающие в систему капли. Неожиданно у него закружилась голова, и он полетел куда-то вниз, в пропасть.

«Надо дернуть за кольцо и раскрыть парашют», – подумал больной, но ничего не сделал для своего спасения.

Потом он оказался в длиннющем черном тоннеле. И летел уже не вниз, а параллельно земле. Вдоль стен висели лампочки, но они не горели. Минут через пять он вырвался из темноты и увидел горящий факел. Один, другой, третий. И тут дорогу ему преградил сержант с карабином в руках.

– Стой! Стрелять буду! – громко крикнул сержант, направляя на него ствол карабина.

– Стреляй! – улыбнулся мужчина в больничной пижаме. – Я из «инфарктной» палаты.

– Значит, ты уже готов к исповеди?

– А ты кто такой, чтобы мне вопросы задавать? У входа в рай меня должен был встретить седой старик с бородой. Я его на картине видел.

– Ты же атеист, грешник. Тебе в рай не положено, – радостно сообщил сержант. – Я тебя сейчас пристрелю, и мы навсегда закроем тему.

– С каких это пор у входа в рай расстреливают тех, кто пришел к ним сам?

– Я часовой, лицо неприкосновенное, – сообщил сержант. – И убить тебя должен был еще при твоей жизни, но не смог.

– Струсил? – уточнил больной. Разговор с часовым в советской военной форме ему не понравился.

– Да, – я не смог выстрелить из этого карабина, – зло крикнул сержант. Если бы тогда я убил тебя, то все было бы иначе.

– И за что ты меня хотел убить? – спросил мужчина в пижаме.

– Ты девушку у меня увел.

– Из-за бабы мужика убивать? Глупо, – больной внимательно посмотрел на сержанта, но так и не вспомнил, кто он и откуда. – Ты, хоть, скажи, как ее звали. А то умру и не узнаю, из-за кого пострадал.

– Ее Матильда звали, – сообщил сержант, передергивая затвор.

– Хорошо, хоть не Наташа, – чему-то своему улыбнулся мужчина из «инфарктной» палаты. – В Турции все русские бабы «Наташи». Не было у меня Матильды. А Наташи были. Может, ее Наташа звали?

– Нет, Матильда.

– Ошибочка вышла, сержант. Ты все перепутал. Не знаю я никакой Матильды. И тебя первый раз вижу! – неожиданно выдал инфарктник.

– Матильда – моя жена, – неожиданно признался сержант. – Перед смертью она клялась, что ты у нее был первый. Из-за чего я был обречен воспитывать твоего сына.

– Ага, первый?! – пропустив историю с сыном, возмутился мужчина в пижаме. – У меня та же проблема. Все бабы, у которых я был не первым, говорили, что я второй. Даже если у нее там целый полк побывал в гостях.

– Матильда не такая.

– Слушай, я что-то слышал про твою Матильду. Она балериной была?

– Балериной, но она не была любовницей царя, потому что он святой! Учитель оклеветал ее. надругался над царем! – безумно вращая глазами, закричал сержант, нажимая на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Пуля пролетела рядом с больным, но в него не попала.

– Придурок, левее надо было брать, левее! На моем карабине прицел сбит, – крикнул мужчина в пижаме, вырывая из рук сержанта оружие.

Потом он летел по черному тоннелю куда-то вниз, распугивая выстрелами из карабина черные тени огромных крыс. Ему показалось, что прошла вечность. Неожиданно в конце тоннеля он увидел свет, яркий безжизненный свет, и услышал знакомый голос соседа по койке.

– Я же говорил, что он станет четвертым. Четвертым покойником за последние сутки на этой кровати. Костя, давай мандарин, я выиграл.

– Погоди, надо врача позвать, пусть подтвердит официально, – отмахнулся от Василия Петухова толстый неповоротливый мужик с одутловатым лицом.

– Не надо ничего подтверждать. Он умер, я выиграл! Давай мандарин.

«Суки, они еще пари заключили. Выживу, убью всех! – пронеслось в голове у вернувшегося с того света больного. И тут он все вспомнил. – Ну, конечно же, меня отравила медсестра. И зовут ее Матильда. А откуда взялась тогда балерина вместе с царем и каким-то учителем?».

Мужчина открыл глаза. В палате никого не было. Из радиоточки мужской голос требовал запретить фильм «Матильда» и сослать на Соловки Учителя.

– Мандарины делить пошли, суки позорные! – громко произнес лежащий под капельницей мужчина, но никто не отреагировал на его слова. Лишь только радиоточка продолжала угрожать небесными карами всем, кто посмел усомниться в святости Николая второго.

– А я все понять не мог, что в моей голове делает эта балерина? А она из радиоточки в мозг проникла, – обрадовался больной. – Значит это не мой бред. Весь мир сошел с ума! С утра и до ночи несут всякую чушь про балерину, царя и Учителя. А в моей голове полный порядок! У меня только с памятью что-то случилось.

Ровно через две минуты на больничную койку присел старшина НКВД из киевской расстрельной команды. Он был в форме с револьвером в руках и такой же молодой, как на фото из домашнего альбома.

– Их надо было расстрелять с коммунистической ненавистью в девяностом году прямо на Арбате, а теперь, поздно. Они расплодились. Их сотни тысяч! Царей прославляют. Вечно живого из Мавзолея вынести хотят. И ты вместо того, чтобы продолжить наше дело, в «инфарктную» палату залег.

– И что вы предлагаете? Стрелять бывших комсомольцев, которые несут всякую чушь про царя и Матильду? – указал на радиоточку больной.

– Мне нравится ход твоих мыслей. Тебе дать револьвер?

– Не сейчас. Для начала я хотел бы узнать, кто я такой и как меня зовут?

– Я помогу тебе! У моих клиентов память восстанавливалась за минуту до расстрела. В глаза! В глаза смотреть! Не отворачивайся! Я верну тебя в 37-й год прямо сейчас! – старшина поднял револьвер и направил его в сторону больного. – В отличие от Козлова я стреляю без промаха! И прицел у меня проверенный. Приговоренных к расстрелу я убивал с первого выстрела!

– А меня за что?! Я не знаю никакой Матильду. И балерин у меня никогда не было, – голосом драматического актера произнес больной. – И в убийстве царя не участвовал. Это было до революции. Меня тогда еще и в проекте не было. Ты понимаешь, я из другого времени. Я свое отстрелял в девяностых.

– Не отвертись, сучок. Сейчас ты ответишь за всё, – грязно выругавшись, плюнул на пол старшина. – Я следил за тобой. Ты виноват в госизмене.

– В чем?! – удивился мужчина.

– Ты разгласил гостайну. Раскрыл методы работы КГБ, назвал имена агентов, а за это полагается высшая мера!

– Какая гостайна, какая измена? Что ты несешь?!

– А ты вспомни, секретная операция КГБ СССР «Голубой художник». Ты там сыграл главную роль. Так мне стрелять или ты сам уйдешь в мир иной?

Мужчина в пижаме вырвал из руки иглу, по которой к нему в вену поступало лекарство из капельницы.

– От прошлого не спрячешься, Марат, – зловеще произнес старшина НКВД. – Я тебя заставлю вспомнить обо всех твоих подвигах.

Старшина выстрелил из револьвера в потолок, и больной тут же оказался в полутемном кинозале. Рядом с ним сидели броско разукрашенные молодые люди с попкорном в руках.

«Меня звали Марат, – пронеслось в мозгу больного. – Странное имя. А может, он ошибся? Ну, какой я Марат?».

Больной перевел взгляд на экран. Там по пустынной улице шла красивая женщина.

«Секретная операция КГБ СССР: «Голубой художник»

Мужчина в больничной пижаме с интересом смотрел на экран. Ему показалось, что этот фильм он уже видел, только не на экране, а в реальной жизни. Тем временем, откуда-то сверху стали спускаться красные буквы. Они долго крутились вокруг своей оси и, наконец, остановившись, превратились в титры: «Операция «Голубой художник». Потом экран погас, и Марат услышал голос Левитана. Он в полной темноте с выражением читал невидимую книгу.

«...Неожиданно дорогу Алисе преградил молодой красивый мужчина в дорогом костюме. Он спросил, как пройти в библиотеку.

Алиса остановилась, оценивающе посмотрела на незнакомца и сказала с издевкой в голосе: «Вы можете произнести другие слова?».

– Мужчина тут же упал на колени и продекламировал по-актерски громко: «Я вас люблю!».

– Достаточно, – улыбнулась Алиса и деловой походкой направилась в сторону больницы. Когда она вошла в психоневрологический диспансер, парень, прочитав вывеску, нерешительно остановился, а потом развернулся и, втянув голову в плечи, ушел в сторону моря.

Алиса с интересом наблюдала за незнакомцем через окно своего кабинета. Мужчина ей понравился.

– Значит, у меня все еще впереди, – тихо произнесла она.

Но впереди ее ожидало не романтическое свидание с таинственным незнакомцем, а поездка к художнику Старовойтову.

– Жалобу нам переслали из ЦК КПСС на Руслана Старовойтова, – протянула Алисе после окончания пятиминутки письмо с красным штампом главврач психбольницы Лариса Ивановна. – Сосед пишет, что Старовойтов поселил у себя в комнате не прописанного танцора из балета Вячеслава Каретникова.

– Днем и ночью они спят в одной кровати и занимаются половым развратом, – процитировала Лариса Ивановна письмо ветерана внутренних войск МВД.

– А мы тут при чем? – недовольно спросила Алиса Викторовна. – Пусть милиция разбирается, кто с кем спит.

– Руслан Старовойтов отсидел в тюрьме семь лет за мужеложство. В деле есть заключение судебно-психиатрической экспертизы. Диагноз: шизофрения, простая форма. На учете как социально опасный. Карточка с двойной красной полосой. В анамнезе – нападение на персонал. Поедешь с Барским. Его забирать надо. Вопросы есть?

– Лариса, скажи честно, почему ты меня все время посылаешь к извращенцам и убийцам? Старовойтов живет на втором участке. Почему я должна оформлять его в больницу? О нём

по «Свободе» говорят, по «голосам» разным. Он известный художник. Ты хочешь, чтоб и обо мне стали говорить на радио «Свобода»?

– Какой он художник, я не знаю, но в психбольницу Старовойтов попал после того, как его картины показали Хрущеву. А Хрущев всех участников выставки обозвал педерастами. Вот и загудел в тюрьму после выставки Старовойтов. ЦК же на особый контроль дело художников-абстракционистов поставил.

– Так Хрущева уже давно нет в Кремле.

– Хрущева нет, а ЦК КПСС остался.

– Хорошо. Есть жалоба на художника, но я какое отношение к Старовойтову имею? Это же не мой участок.

– Правильно, не твой, но Шполянскую я не могу послать к Старовойтову.

– Почему?

– Потому что Раиса Васильевна не найдет оснований для его помещения в психбольницу, а я не хочу нарываться на скандал. Есть партийная установка с самого верха: «голубых» – каленым железом! А тут еще ветеран МВД перевозбудился из-за того, что ему общей ванной пользоваться приходится с каким-то педерастом. Письмо закрыть нужно сегодняшним числом. Шполянская дотянула до последнего.

– Перед тем, как поехать к Старовойтову, Гарика пришли ко мне на инструктаж. И в санитарские дела больше не лезь. Твое дело в стороне стоять и наблюдать за этим «голубым» цирком.

Через пять минут в кабинете Ларисы Ивановны появился санитар.

– У тебя удостоверение дружинника с собой? – спросила Лариса Ивановна.

– В кармане.

– Покажи.

Гарик передал удостоверение главврачу.

– Командир оперативного комсомольского отряда, – прочитала вслух Лариса Ивановна.

– Задерживать правонарушителей имеешь право?

– Конечно. Наш отряд – добровольная народная дружина при угрозыске, – пояснил Гарик. – А чего надо?

– Художника Старовойтова в больницу привезти.

– Причем здесь удостоверение? Он у нас на учете стоит? Только Шполянская его не положит. Напрасные хлопоты. Она всех «голубых» считает нормальными.

– С Алисой Викторовной поедешь.

– Это подстава, Лариса Ивановна. Шполянская ей художника не простит. Она сожрет молодую! – возмутился Гарик.

– Направление Старовойтову оформит Алиса Викторовна, – повысила голос главврач. – Закроем на трое суток, а там решим. Людей наверху его любовник интересуется. Пора на учет ставить.

– Так их на горячем брать надо, – засомневался санитар.

– Вот и бери прямо в постели. Короче, когда эти двое начнут, сосед взламывает дверь и первым войдет в комнату Старовойтова, следом за ним – возмущенная общественность. И только после них ты с удостоверением в руках. Громко, чтобы все слышали, объявишь, что ты дружинник, и удостоверение покажешь свидетелям.

– Лариса Ивановна, я не въехал. Зачем так понтовать? Я этих «голубых» и без удостоверения заламаю.

– Мне заламывать там никого не надо. Балерун на учете не состоит. Надо сделать так, чтоб он на тебя, на дружинника, напал, сопротивление оказал, драку устроил. Короче, совершил противоправные действия в отношении народного дружинника в присутствии свидетелей. Теперь понял?

– Понял.

– Ну, и чего сидишь?

– А Алиса знает, что мы там будем делать с этими «голубыми»? Может, она в машине посидит, пока мы их заактируем?

– Нет. Пусть привыкает. Она сама себе работу выбрала. Мне вторая Шполянская в диспансере не нужна. Здесь ты или психиатр, или наш пациент. Третьего не дано.

Гарик вышел во двор, сел на свое место в машине и стал наматывать на кисть левой руки вафельное полотенце. Минут через пятнадцать они подъехали к нужному дому.

– Старовойтов на третьем этаже живет, – сообщил психиатру водитель. – Только вы к нему близко не подходите, он просто бешеным становится при виде женщин. В прошлый раз его с милицией еле взяли.

– Потому что со Шполянской поехали, – подхватил тему санитар. – Она защищать его стала, Ларисе звонила, на меня докладную написала.

– А ты был не виновен, потому что весь в белом, – поддела Гарика Алиса Викторовна.

– Я так и не понял, в чем моя вина была. Постучал в дверь, а в комнате Старовойтов с каким-то мужиком. Я и слова сказать не успел, как он пощечину мне отвесил.

– И что потом было?

– Все по инструкции. Я ему хомут на шею в состоянии аффекта, а дружок Старовойтова кинулся отбивать больного, а тут еще Шполянская истерику закатила, чтобы я художника не душил, потому что он – талант и светлая личность. Ну, и врезал я им обоим от души, чтоб руки не распускали.

– Я читала, что ты с ними сделал. Раиса Васильевна подробнейшим образом описала в амбулаторной карте, как санитар и два милиционера избивали художника и его гостя-скрипача.

– Так сами ж виноваты. Если я – санитар, так мне с порога можно и в морду? Со мной такое не проходит.

– А с гостем что потом было. В карточке о нем ни слова?

– С гостем нормально все случилось, его хотели за мужеложство привлечь, а потом хулиганкой ограничились. Четыре года за мордобой с малявой о том, что он зашкаренный. Короче, опустили его в СИЗО за немужское поведение.

– И ты этим гордишься?

– А я тут причем? Мне сказали – я поехал. Его сама Шполянская отмазать не смогла, а она – психиатр с двадцатилетним стажем. Жалобы во все инстанции посылала. Комиссия приезжала даже из Москвы. И все эти уважаемые люди признали меня правильным пацаном, который действовал в пределах необходимой обороны. А Шполянской выговор вкатили за клеветнические сигналы в ЦК КПСС. После этого она со мной не разговаривает.

– Все. Хватит болтать. Вначале пообщаемся с соседом.

Врач выскочила из машины и быстрым шагом направилась к дому, где жил Старовойтов.

Дверь в коммуналку была открыта. У входа в квартиру их встречал коротконогий плотный мужчина. На вид ему было около пятидесяти.

– Проходите ко мне. У нас все готово.

В скромно обставленной комнате по стенам висели фотографии бравого старшины на фоне казармы и киевского СИЗО.

– Вы кем раньше работали? – посмотрев на фотографии, спросила Алиса Викторовна.

– В НКВД служил.

– Вертухаем в тюрьме, что ли? – уточнил Гарик.

– Я в расстрельной команде служил, сопляк, – зло посмотрел на Гарика хозяин комнаты.

– Гарик, рот закрой, – поддержала заявителя Алиса. И, повернувшись к мужчине, продолжила. – Мне передали вашу жалобу на Старовойтова. Из письма я так и не поняла, чем он вам не угодил? Он угрожал вам, совершал агрессивные действия?

– Мне – угрожать? – вдруг заржал мужчина. – Не вырос еще такой человек, кто бы меня запугать смог. Я эков приговоренных расстреливал.

– Я хочу уточнить. Ни вам, ни членам вашей семьи Старовойтов не угрожал и никакой агрессии не проявлял?

– Пусть попробует, да я его в порошок сотру!

– Понятно. А зачем же вы это письмо в ЦК написали? – продолжила разговор Алиса Викторовна.

– Так он же пидор, доктор. Я сообщил куда следует. Мне предложили понаблюдать за ним и его связями.

– А как вы узнали, что он в одной кровати с посторонним мужчиной «занимается всякими извращениями»? – процитировала письмо врач.

– Так слышно все. Банку литровую к стене приложу и каждое слово слышу, – мужчина приставил к стене банку и стал слушать. – Вот сейчас разговаривают и целуются. На кровать легли. А теперь скрип пошел, как в раж войдут, будем брать.

– Но мы не можем вломиться в чужую квартиру без санкции прокурора, – попыталась остановить бдительного соседа Алиса Викторовна.

– Вы не можете, потому что при исполнении, – легко согласился мужчина. – А я могу проявить революционную бдительность как советский гражданин и бывший сотрудник органов.

Отставной старшина вытащил из-под кровати топор и направился в коридор, где его поджидали соседки по коммуналке. Одним ударом топора он выбил накладной замок и с криком «Всем лежать!» ворвался в комнату художника, размахивая топором. Мужчины лежали на кровати абсолютно голыми. За минуту в комнату набилось с десятков женщин, которые с любопытством смотрели на голых мужиков и что-то возбужденно кричали.

Гарик, выполняя полученную инструкцию, пробился сквозь толпу к кровати и, размахивая удостоверением дружинника, заорал: «Вы оба задержаны за противоправные действия. Я – командир оперативного комсомольского отряда, дружинник. Встали! Оделись! Оба!».

– Так это ты, сука, опять пришел! – заорал художник, бросаясь на санитару. – Да я тебя...

Но договорить он не успел. Гарик набросил на шею больного полотенце и стал душить Старовойтова. Через минуту художник захрипел, теряя сознание. Увидев эту картину, к нему на помощь ринулся длинноногий парень. Он нанес хлесткий удар ногой по лицу санитару. Удар

был настолько сильный, что Гарик отлетел в дальний угол комнаты. Алиса с ужасом смотрела на происходящее и не знала, что делать. Но тут в дело вмешался отставной старшина.

С криком: «Бей пидоров!» он кинулся на танцора, а женщины навалились на голого художника. В это время пришел в себя санитар. Он подскочил к голому танцору и со всей силы ударил его кулаком по затылку. От этого удара мужчина громко охнул и мешком рухнул на пол. Вторым ударом Гарик вырубил Старовойтова.

– Молодец, салага! – удивленно посмотрел на санитаря старшина. – Ты что, боксер? Это же нокаут.

– Старшина, я не боксер, я доминошник.

– Вышли все из комнаты! – неожиданно закричала Алиса. Она бросилась к танцору и стала ощупывать его голову. – Прости меня, Слава. Я не знала, я б не поехала сюда, прости. Одевайтесь. Быстрее.

– И ты с ними, Алиса. Ну, что я им сделал. Я никого не трогал. Я люблю его, понимаешь, люблю! А они нас преследуют, – Каретников плакал громко, взхлеб. Алиса помогла ему одеться.

Тем временем кто-то из соседей позвонил в милицию. Старовойтова и Каретникова как особо опасных преступников доставили в ИВС в наручниках.

– Кучерявый, тебе совесть мучать не будет? – после того, как они вернулись в больницу, спросила Алиса.

– А что я сделал не так? – удивленно посмотрел на врача Гарик.

– Ты человеку жизнь угробил. Он из тюрьмы не выйдет.

– Он не человек, он «голубой». Его лечить надо, как пассивного педераста, чтоб заразу эту по городу не разносил, – жестко произнес санитар. – Мы его на горячем взяли на ваших глазах. Не отвертится теперь.

– Гарик, а зачем ты его по затылку бил? Это ж запрещенный удар. По затылку даже боксеры не бьют.

– А каратисты бьют. Я имел право. Крайняя необходимость. Он сам виноват. А вы откуда знаете этого Каретникова? – подозрительно посмотрел на Алису Гарик.

– Я с ним с четырех лет танцевала. Потом он институт культуры закончил, балетной студией руководил. У него дети на всесоюзных конкурсах побеждали. Его подставили.

– Алиса Викторовна, его ж с поличным взяли. При свидетелях. Голым. Его же Старовойтов...

– Рот закрыл! – подлетела к Гарику Алиса. – В жизни всякое может случиться. Вот ты сейчас душевнобольных ловишь, бьешь невинных, судишь их, а завтра тебя самого в психушку сдадут. И что делать будешь?

– Меня не сдадут. У меня нервы из железа, – самодовольно улыбнулся Гарик. – Я каратэ занимаюсь.

После этих слов больной из «инфарктной» палаты проснулся, широко открыл глаза и осознал, что находится не в кинотеатре, а в больнице.

– Интересное кино получилось, – пробормотал больной, посмотрев на окровавленную простыню. – Вначале меня отравить пытались, а потом в палате появился старшина из расстрельной команды НКВД. Револьвер предлагал, а я отказался наводить революционный порядок. И тогда он отправил меня в кино. А потом там погас свет...

– Теперь вспомнил, кем ты был? – спросил больного старшина НКВД.

– Я работал санитаром в психушке? – неуверенно спросил мужчина.

– Когда мы с тобой познакомились, тебя звали Марат. Вначале я убить тебя хотел из-за вертухая, но потом реабилитировал. Никогда такого удара не видел. У нас, в НКВД, спецы еще те были, но чтобы так, стоя лицом к лицу с противником, бить его по затылку. Это талант, да и классовое чутье у тебя было на уровне.

– Погоди, но в кино санитар звали Гарик, – возразил больной.

– Так это же кино. И в романе «Психушка» главного героя зовут Гарри Барский, – конспирация, твою мать. Автор специально имена поменял, чтобы всех запутать. Пойди, докажи теперь, что эта книга про тебя, если главного героя зовут Гарри Барский, а тебя Марат.

– Марат? Я это имя первый раз слышу.

– В твоей биографии имя – не главное. В бандитские девяностые ты менял ксивы и клички, как куртизанка перчатки. А сейчас раскис. В «инфарктной» палате спрятался. И это в то время, когда каждый хороший снайпер на вес золота.

– Никуда я не прятался. Отравили меня. И фильм этот вижу впервые, – пропустил мимо ушей слова о снайпере больной.

– И Алису не помнишь?

– Нет.

– Ну, тогда беги отсюда, пока врачи-вредители не прикончили наемного убийцу за прошлые подвиги.

Мужчина в больничной пижаме хотел возразить, но, увидев в руках старшины направленный в его сторону ствол револьвера, встал с кровати, подошел к двери и выглянул в коридор.

Сбежавший покойник

– Ну, и где ваш больной? – недовольно спросил врач-кардиолог Иван Иванович Тараканов. Он был похож на театрального Мефистофеля, с длинным тонким носом и черными, закрученными вниз усами. – Что вы панику подняли? Где покойник?

– Так он мертвый был, – удивленно осмотрел палату Петухов. – Он на кровати лежал под капельницей.

– И куда делся? – повысил голос врач. – Матильда, вы понимаете, что происходит?

– Нет, – собирая капельницу, произнесла медсестра.

– Надо милиции сообщить, – стал советовать Вася. – Представляете, иду я по улице, а мне навстречу труп в больничной пижаме. И всё, сразу инфаркт.

– Ты вместо того, чтобы советы дурацкие давать, за больным бы присмотрел, который под капельницей лежал, – возмутился врач.

– Так мы и смотрели на него, пока он живой был. А как умер, я в морг позвонил, а соседи должны были медсестре сообщить, чтобы узаконить мою победу.

– И почему не сообщили?

– Толстой во всем виноват. Он мандарины проигрывать не любит.

– Какой еще Толстой? – удивленно посмотрел на Васю врач.

– Это не то, о чем вы подумали, – хохотнул в ладонь больной. – Нашего Толстого Константин Петрович зовут. И он с тем Толстым, который Лев, никак не связан. Так вот, Толстой вместо того, чтобы сообщить об очередном покойнике медсестре, пошел в подвал курить.

– А вы что делали в это время?

– В морг звонил из телефона-автомата.

– Значит, никто из вас не видел, как этот больной уходил из палаты?

– Нет. Да у меня и мысли такой не было в голове, что покойник встанет с кровати и пойдет гулять по больнице.

– Вот я смотрю на вас всех и удивляюсь. Вроде, взрослые мужики, Вы же со смертью игру затеяли. Могли бы рассказать новенькому о тех, кто умер до него на этой кровати, и он бы лег возле окна. А вы спорили на мандарины, умрет-не умрет! Где его вещи?

– Не было у него вещей, – сообщила медсестра. – Джинсы и рубашка – в «приемном покое» остались. Он в больничной пижаме был.

– А это чья книга, на тумбочке лежит?

– Это не наша, – в один голос произнесли больные. – Ее здесь не было.

– «Психушка», – прочитал врач, рассматривая книгу. – Как фамилия больного?

– Неизвестный. Он без паспорта поступил. В приемном отделении так и записали «Неизвестный», – пояснила медсестра.

– Но он же в реанимации себя как-то называл? – спросил врач.

– Мне сообщил, что его зовут Гарри Барский, – пожала плечами медсестра. – Только очень неуверенно сказал.

– Это не его фамилия, – отрезал врач. – Так звали главного героя романа «Психушка». Но если этот больной примет облик героя книги, никто здесь до утра не доживет! Доигрались идиоты! Я же предупреждал, чтобы не клали новеньких на эту кровать! Три трупа за одни сутки.

– Мы хотели предупредить его, – засуетился Вася. – Но он сам ее выбрал. Я только сказал, что из окна дует.

– Значит, он тебя первым убьет, – устало произнес врач. – Я эту книгу за одну ночь на дежурстве в реанимации прочел. Потом неделю в себя приходил. «Психушка» – самая правдивая книга о сумасшедшем доме и его обитателях. Второй такой я не видел.

– А еще он в бреду звал на помощь Вольфа Мессинга, – сообщил Петухов.

Врач внимательно посмотрел на больного.

– Матильда, иди, делом займись, я больных сам осмотрю.

Убить старшину из органов

Больной выскочил в коридор и бросился к двери, над которой горела аварийная надпись «ВЫХОД». Лестница была завалена какими-то коробками, списанными медицинскими приборами, старыми ржавыми кроватями.

– Пожарников на них нет, – перепрыгивая через коробки, пробормотал мужчина. – Это же надо додуматься, запасной выход превратили в склад металлолома. А если теракт, пожар? Что больные будут делать? Умирать в огне!?

– А ты стукани прокурору на главврача-вредителя и завхоза, – услышал знакомый голос больной.

– И что тогда произойдет? Новое дело врачей!?

– Любите вы заголовки паскудные к советскому прошлому лепить на «фейсбуках» и «одноклассниках». А тут самое настоящее вредительство, – преградил дорогу старшина НКВД. – Люди погибнуть могут! Ну, что? Сообщишь?

– Да мне какое дело до этой больницы, – отмахнулся мужчина. – У меня своих проблем выше крыши.

– Так ты уже с ними?! Переобулся в полете. Думаешь, никто не знает, где ты работал?

– А где я работал? Я не был санитаром и людей по голове не бил никогда. Это клевета на честного человека.

– Не отмажешься от своего прошлого, – улыбнулся старшина. – Тебя все равно убьют, потому что ты обречен.

– Тогда мне терять нечего, – закричал больной, бросаясь с кулаками на старшину НКВД. Он попытался ударить его по затылку, но кулак неожиданно провалился в пустоту, и больной полетел по лестнице вниз. Последнее, что он увидел, был ржавый аппарат УВЧ. Удар об этот аппарат был настолько сильным, что он тут же потерял сознание.

Вольф Мессинг и четыре ампулы строфанта

Тараканов сел на край кровати.

– Так что ты сказал про Вольфа Мессинга? – постукивая пальцами по грудной клетке больного, спросил доктор после того, как из палаты вышла медсестра.

– Он просил помощи у Мессинга. Трижды повторил его имя.

– Еще что он говорил?

– Он Матильде сказал, что они знакомы.

– И что она ответила?

– Сейчас вспомню. Она как-то странно сказала: «Главное, чтобы мы в будущей жизни с вами больше никогда не встречались».

– Интересное кино, – согнал с лица улыбку врач.

– Я рядом лежал. Весь разговор слышал. А еще, по радио говорили, что Матильда царя помогала.

– Какая Матильда? – насторожился врач.

– Наша Матильда. Про нее еще фильм сняли, как она к царю приставала.

– Не было этого, – оглянувшись по сторонам, перешел на шепот Тараканов. – Врут клеветники, а тебе лично партийное задание. Будет новенький поступать, предупреди, что у двери койку занимать нельзя. Больной может вернуться. Пусть у окна ложится. И сквозняками пациентов не пугай, душно у вас в палате. Ее проветривать надо каждый час.

Минут через пятнадцать доктор Тараканов пригласил Матильду в ординаторскую.

– И что будем делать с покойником? – спросил он медсестру.

– Ничего не будем делать. Незвестный за нами не числится. Он же без документов поступил, – уверенно произнесла женщина.

– И что?

– Из-за этого на него в приемном покое не стали заводить историю болезни и отправили прямо в реанимацию. А там прошлой ночью пятеро умирали, не до бумаг было, – пояснила брюнетка.

– Это же нарушение инструкции, – возмутился врач.

– О какой инструкции вы говорите, когда в больнице половина ставок медсестер свободны? Меня из кардиологии бросили в реанимацию. Я уже вторые сутки в больнице. А этот склеротик не смог назвать ни домашний адрес, ни год рождения. Он говорил, что приехал в гости к Пушкину, к памятнику. Да и с фамилией своей путался. Вот и записали его в листах назначения Неизвестным. А эти листы можно и выкинуть, пока они не подшиты в историю болезни и не заведены в компьютер.

– Значит истории болезни нет. А с журналами что? – задумчиво произнес кардиолог.

– Журналы в конце смены заполняют, по «историям». Так, что никаких следов. Если б он умер, тогда пришлось бы бумагами заниматься, а тут ни труп, ни больного...

– Скажи, а этот больной – твой знакомый?

– Нет.

– Может, когда-то в прошлой жизни пересекались?

– Нет. Я его первый раз увидела в реанимации.

– Темнишь что-то, может, бывший любовник? – пристально посмотрел на медсестру врач. – У мужика этого инфаркта не было. Он сидел у памятника Пушкину на скамейке, потом побледнел, и проходившая мимо старуха, вызвала «скорую».

– Так, «скорая» и поставила диагноз «подозрение на инфаркт». Его на обследование положили. Вот направление. В графе фамилия: «Неизвестный».

– А с направлением этим что делать? Его ж на стационар направил врач «скорой»?

– Как направил, так и отправили. Сняли приступ и послали на историческую родину. Какие проблемы?

– Значит, по бумагам этого неизвестного у нас не было. Да, и я завтра бы его выписал, но мужику не повезло, потому что в реанимации он встретил свою давнюю знакомую, – продолжил врач. – Давай, колись, за что убила больного?

– Я никого не убивала, – повысила голос медсестра. – Больного этого первый раз в жизни увидела в реанимации. И назначения все выполнила, какие вы записали. Ко мне какие претензии?

– Претензий у меня к тебе нет. Я просто сообщу ментам об этом ЧП, и тебе придется рассказать, кто он тебе и куда делся строфант из сейфа для ядовитых препаратов группы «А».

– Какой строфант? Что вы несете?

– Четыре ампулы. Это смертельная доза. Я специально проверил, после того, как узнал об исчезновении трупа.

– Этого не может быть. Только идиот станет травить инфарктника строфантом. Я сейчас же пересчитаю ампулы.

– Иди, считай. Но я бы, на твоём месте сейчас занялся покойником, а не ампулами. Его найти надо, пока он живой. Иначе на тебя убийство повесят. Вася твой разговор с покойником слышал. Менты приедут, и он тут же тебя заложит.

Минут через десять женщина вернулась в ординаторскую.

– Ампулы нашла? – не отрываясь от бумаг, спросил сидевший за столом Тараканов.

– Нет. Кроме меня доступ к сейфу был у вас и медсестры из реанимации, – напомнила врачу Матильда.

– Это объяснение в пользу бедных. Отвечает за сейф с лекарствами группы «А» дежурная медсестра кардиологии. А то, что у тебя ключ на общей связке висит, так это твои проблемы.

– И что делать?

– Я бы мог помочь тебе. Цена вопроса – ночь любви, и мы забыли про этот труп, – подошел вплотную к женщине Тараканов. – Я тебя давно хотел полюбить, да только повода не было. У тебя такие упругие груди...

– А строфант как спишем? – оттолкнула от себя врача Матильда.

– Никак. У нас под него больных нет, а если труп найдут, никакие листы назначений не спасут. Надо было раньше головой думать, – обиделся врач, подкручивая усы.

– Тогда о чем базар, – возмутилась женщина. – Какая ночь любви, если вы ни на что не способны?

– А если я строфант найду? Полюбишь меня, как своего мужа в молодости?

– Вот когда принесешь, тогда и поговорим. Только что из приемного отделения звонили. «Скорая» мужика с инфарктом привезла. Кардиолога требуют.

Женщина направилась к двери, но ее остановил Тараканов.

– Чтобы потом не было проблем, не суетись. С моргом я договорюсь. И искать труп мы не будем.

– А если он живой?

– Сам из больницы уйдет. А чтобы успокоиться, почитай «Психушку». Если наш больной имеет отношение к этой книге, то тебе и без полиции мало не покажется. Он себя суперменом считает, снайпером, «ворошиловским стрелком».

– Дохлак он, а не супермен. Если б у меня такой муж был, я бы повесилась, – взяв в руки книгу, зло бросила Матильда.

– погоди, еще один вопрос. Бабы болтают, что от тебя двадцатилетние любовники с ума сходят. Чем ты их берешь?

– Строфант принесешь, узнаешь.

Покушение на Чубайса

Мужчина в больничной пижаме под аппаратом УВЧ пролежал без сознания минуты три. Потом встал на ноги и, расшвыряв пустые коробки, подошел к окну. Над городом висела огромная безжизненная луна.

– Опять полнолуние, – чуть слышно произнес несостоявшийся покойник. – В прошлый раз старшина из расстрельной команды во сне восхищался каким-то полковником, который организовал покушение на самого Чубайса.

Мужчина лег на подоконник и прикрыл глаза. Ему хотелось спать.

«С головой что-то опять. Не было никакого чекиста. Старшина из НКВД – самый обычный глюк. Если б он стоял передо мной, я б убил его одним ударом. А там никого не было. Не было! Я бил в пустоту. Значит, он глюк, а не человек, а все остальное – бред сумасшедшего и галлюцинации. Вначале меня убить хотели, а потом старшина из НКВД войну Матильде объявил. Нет, не он, я опять все перепутал. Про Матильду и царя комсомольцы, бывшие, из радиоточки трещали. А еще они какого-то учителя ругали».

Больному память возвращалась урывками. Он до сих пор не знал, как оказался в Москве и что делал у памятника Пушкину.

**– У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов.
Но я не жалею! —**

Неожиданно, подражая Высоцкому, запел мужчина.

– Откуда она взялась, эта песня, – возмутился больной. – Это все старшина. Он говорил, что я снайпер и у меня было сорок фамилий. Нет, врет он всё, потому что он самый настоящий глюк. Галлюцинация. Но кто я такой? Вольф Мессинг говорил, что память можно восстановить при помощи самовнушения во сне. Надо заснуть, заснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.